

Миннелли Лайза

Моск. новости. - 1997
21-28 дек. Гость - с. 22

Алексей САЗОНОВ

Лайза не хочет уйти, как Элси

Послесловие к гастролям
(интервью с Лайзой Миннелли –
в предыдущем выпуске «МН»).

Недавно, во время репетиции мировой премьеры сочинения Кшиштофа Пендерецкого, мне посчастливилось поговорить с его супругой, красавицей Эльжбетой. Речь зашла об Исааке Стерне, впервые исполнившем в свое время скрипичный концерт пана Кшиштофа, и пани Эльжбета с невинным видом осведомилась: «Ну и как вам он понравился сейчас?» «Он великий музыкант», – ответил я, хотя прекрасно понимал, что последний визит Стерна в Москву выявил убийственное несоответствие между мудростью мастера и закатом его исполнительской карьеры. Уловив это, гордая полячка произнесла: «Но он более не великий скрипач, так?»

Этот разговор неоднократно вспоминался во время концерта Лайзы Миннелли, одной из культовых фигур для меломанов советского и постсоветского культурного пространства. Подозрения, что на самом шоу что-то будет «не так», усиливались по мере того, как отменялись некоторые запланированные акции: участие в передаче РТР, осмотр московских достопримечательностей, церемония на комплексе «Буран», где Лайзе должны были вручить сертификат о присвоении ее имени звезде, видимой невооруженным глазом.

На сцене КДС три белых мальчика, которых худо-бедно научили петь на афро-американский манер, пытались достойно заполнить паузы между двадцатиминутными выходами звезды; скажем прямо – у них не получилось. Сама Лайза оказалась в безвыходном положении: мертвый по определению зал дворца, заполненный на 98 процентов людьми, знакомыми с ее творчеством только по одному фильму (догадаетесь, какому), мог быть «взят» лишь одним способом. Неспеть в концерте medley из «Кабаре» она не могла, спеть – уже не сумела. После вежливой полуминутной овации, какими на Руси одаривают любую заезжую знаменитость, все стало ясно. «Бисов» не было.

Пресса и телевидение настойчиво напоминали о тех временах, когда в сознании советского человека складывался миф под названием «Лайза»: концерт, показанный по указанию ЦК в пасхальную ночь, полузапретное «Кабаре» в магнитофонных «списках». Перед гастролями много говорилось о болезни горла и операции на колене, о том, что певица «в отличной форме», что она освободилась от алкогольной зависимости... В общем, обо всем чем угодно, но о предстоящих московских концертах – практически ничего. Между тем окончательно сформулировалось то, о чем догадывались во время предыдущего российского тура: той Лайзы больше нет. Есть весьма приличный (но, по классификации Евгения Шварца, «всего лишь выдающийся, и только») новый репертуар, записанный на последнем диске, – несложный материал, доступный ее нынешнему физическому состоянию. Есть мрачные лица оркестрантов, превосходно отработавших вечер, есть кислородный аппарат, который несут за звездой после концерта... И есть мужественная женщина, которая, борясь с недугами наследственными и приобретенными, выкладывается на сцене сполна, все еще прекрасная в композициях Гершвина и вызывающая жалость в старых хитах, нарочно, как бы назло чему-то (или Кому-то – вспомните, как она грозила кулаком небу в «Молеу») подчеркивающая свою полноту яркими сиреневыми и бордовыми нарядами, – великая артистка, переставшая быть великой певицей.

Так что наилучшим по отношению к Лайзе будет откупорить, без всяких кавычек, шампанского бутылку (чтение Бомарше здесь не в помощь) и первым бокалом почтить уход в прошлое *фройляйн Салли Боулз*, американской певицы в берлинском кабаре, вторым же – восславить Артистку, из последних сил кидающую в зал: «When I go, I'm NOT going like Elsie!»

Юрий ВАСИЛЬЕВ